

ЗОЛОТАЯ ЭРА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

**ПРИСТУПИТЬ
К ЛИКВИДАЦИИ**

МОСКВА 2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х95

При оформлении обложки использована работа
художника Алексея Дурасова

Хруцкий, Эдуард Анатольевич.
Х95 Приступить к ликвидации / Эдуард Хруцкий. —
Москва : Эксмо, 2019. — 640 с.

ISBN 978-5-04-158760-4

Весна 1945 года. В Западной Белоруссии орудует жестокая банды нацистского пособника Болеслава Крука. Бандиты жгут колхозные угодья, грабят мирное население, убивают женщин и детей. В своих кровавых планах преступники замахиваются уже и на Москву. Но здесь им противостоит опергруппа подполковника Ивана Данилова. Опытный сыщик знает, какнейтрализовать зарвавшихся головорезов. Раскрыть хорошо законспирированную в столице преступную сеть Данилову помогает небольшая улика, найденная на месте убийства одного из пособников банды...

В сборник вошли известные повести о сыщике Иване Данилове: «МЧК сообщает...», «Комендантский час», «Тревожный август», «Приступить к ликвидации».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158760-4

© Хруцкий Э.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

МЧК СООБЩАЕТ...

Екатеринодар. 10 сентября 1918 года

За окном играла музыка. Торжествующе, звонко вели трубы марш «Под двуглавым орлом». Пел над осенними улицами Екатеринодара альт. Это был голос победы, славы, надменности.

И кабинет, вернее номер гостиницы «Кубань», был залит солнцем. По-южному ярким и еще теплым.

— А дома-то, наверное, дожди, грязь, мокрые лошади, пар из дверей чайных на улицу вылетает... — Полковник Прилуков, начальник контрразведки Добровольческой армии, отошел от окна. — Так как же, Сергей Николаевич, домой тянет? Вы ведь тоже москвич?

Подполковник Незнанский — элегантный, с точным пробором, с усиками, подстриженными по-английски, молчал, постукивая по столешнице в такт маршу.

— Так как же, Сергей Николаевич? — повторил Прилуков.

— Конечно, домой хочется. — Незнанский встал, придерживая шашку, подошел к окну.

Прилуков оглядел его. Высокого, молодого, подтянутого, со значком Академии генерального штаба на левом кармане кителя, под отливающим эмалью офицерским «Георгием» и рубиново-золотым «Владимиром» с мечами под воротником кителя.

— Вы нашли человека, Сергей Николаевич?

— Да. Есть офицер. Достаточно отважный. Я бы даже сказал — дерзкий, но у него несколько смещены понятия о чести и нравственности.

— А где он служит?

— У капитана Симбирцева.

— Он согласен?

— Да, Андрей Георгиевич.

— Я вижу, Сергей Николаевич, вам не по душе эта операция?

— Если хотите, господин полковник, то да.

— Понимаю. Вы специалист по разведке, работали в тылу у австрийцев, но сейчас другая война. Учебники о ней будут изучать наши внуки в новой русской Академии генштаба. А пока... Где этот... бандит, который повезет его в Москву?.. Как его?..

— Лапшин? В тюрьме. Где же еще?

— Вам, Сергей Николаевич, придется поговорить с ним.

— Слушаюсь. — Незнанский поморщился. Но что делать, служба есть служба. — Я могу идти?

— Идите.

Незнанский четко повернулся и вышел, позванивая шпорами. Прилуков, прищурившись, глядел ему вслед. Ах уж эти чистоплюи, разведка, шпионство. Нет, дорогой подполковник. Академию вы окончили, а понять ничего не можете. Прилуков был опытным контрразведчиком. Почти всю войну проработал в комиссии генерала Батюшева. Чего он только не насмотрелся за три года! Он видел фрейлин двора, поставлявших сведения немцам, министров, берущих взятки у банкира Рубинштейна. Видел нового российского мессию, безграмотного мужика, вершившего судьбы фронтов и людей. Именно тогда он понял истину иезуитов: «Цель оправдывает средства». А для борьбы с большевиками хороши все средства. Прилуков, как человек умный, со склонностью к анализу, не верил в надежность временных побед.

Уж больно климат тыла Добрармии напоминал ему времена Гришки Распутина.

Конечно, полковник прекрасно понимал, что активизация уголовного подполья — шаг, продиктованный от-

чаянием. Но это хоть на время позволит собраться с силами политическому подполью, которое, впрочем, как и царский двор, и штаб Добрармии, раздирали интриги и склоки.

Полковник подошел к окну. По улице, четко печатая шаг, шла рота юнкеров. Поблескивали над погонами острые жала штыков.

Гремела музыка. И вдруг, осторожно, в нем начало зарождаться ощущение чуда. Ведь бывает же цепь случайностей, которую предвидеть невозможно. А вдруг она и сложится, цепь эта. И победа. Господи, как хорошо было думать об этом, слушая музыку маршевой.

Ах ты, камера, камера, дом родной. Лапшин потрогал заплыvший синяком глаз. Как же влип-то глупо. И наvodка была точная, и в квартиру вошли, и дело сделали.

Грека и жену по горлышку, золотишко и деньги в сумку. Да не учли, что в другой половине дома офицер на постой стал. Всего за два часа до дела. А у него двое товарищей были в гостях.

Только Лапшин с напарником за порог, а они тут как тут. Чего-чего, а воевать научились господа офицеры, Степку кокнули, а его скрутили и сюда.

А контрразведка — не сыскное. Два офицерика, прaporы сопливые, за час из него все выбили и в камеру бросили. Мол, сиди, завтра шлепнем.

А жить-то как хочется. Дважды с каторги бегал. Налеты совершал в Москве да Петрограде. Кассу взял на Нижегородской ярмарке.

Дурак... Лох слюнявый... В Москву надо было рвать. К своим ребятам. А теперь все.

И жалко стало Лапшину себя. Господи, за что? Годков-то ему всего тридцать пять.

Как все люди его профессии, Лапшин, когда надо, в бога верил. Считал, что невидимая сила, призванная защищать его, убережет от смерти. И в такие минуты верил он искренне, и становилось ему благостно и грустно. Лапшин забывал о тех, кого убивал сам.

Тюремный коридор освещали большие керосиновые лампы, висевшие под потолком через каждые десять шагов. Свет их, зыбкий и призрачный, причудливо ломал на стене человеческие тени.

Подполковник Незнанский шел мимо вытягивающихся в струнку унтер-офицеров — надзирателей. Стена коридора, щербатая от пуль, со смытой краской лозунгов, точно выражала политические катаклизмы времени.

— Где? — спросил Незнанский молоденького прaporщика в форме корниловского полка.

— В седьмой, господин подполковник.

У дверей камеры с написанной прямо на дверях зеленой краской семеркой подполковник остановился.

Надзиратель отодвинул задвижку, открыл дверь.

— Вы останетесь здесь, — скомандовал Незнанский и шагнул в камеру.

С дощатых нар поднялся плотный человек среднего роста, с разбитым лицом, одетый в некогда щеголеватую визитку с оторванным лацканом и в порванные на коленях полосатые брюки. Рубашки под визиткой не было.

Незнанский достал часы и щелкнул крышкой:

— Вас, Лапшин, расстреляют через час.

Человек молчал, изучающе глядя на подполковника. Он оставался так же невозмутимо спокоен.

— Но есть шанс, — продолжал подполковник.

— Ну?

— Говорите вежливее, вы не в сыскной полиции, а в контрразведке.

Лапшин усмехнулся разбитыми губами:

— Я это сразу почувствовал, как первый раз мне в рожу заехали. В сыскной остегались бы. Там я человеком известным был.

— Слушайте меня, Лапшин. Вы убили греческого коммерсанта Костаки, убили зверски...

— Так я и не упираюсь, ваше высокоблагородие, взяли на деле, куда попрешь. Вы мне про шанс шепните. Ежели это нужно, — Лапшин потер большой палец ука-